

МОДИФИКАЦИЯ МАСОНСКОГО КОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

У статті досліджено «перетин» поетичних і духовних світів у поезії ХХ ст., що містить масонський код. Розглянуто типологічний аспект продукування культурної міфології масонства в російській поезії кінця ХХ століття.

Найбільше репрезентативною для вивчення зазначеної проблеми є поезія М.Волошина. У ній масонський код синтезований з іншими окультними доктринами й практиками, зокрема антропософією, а також із традиційним і неканонічним християнством, що цілком відповідає духу й цілям присвятного Ордену.

Доведено, що в поезії Е.Шварц масонський код реалізується за допомогою включення образів-символів, наділених особливим ціннісним статусом у масонстві (сліпота, вогнений стовп, череп з голітковими костями, образом Святого Грааля), культових для масонства мотивів – анатичного, земної марності, духовного зростання. Основні прийоми – створення ігрової ситуації, метаморфози, язикова гра, гумор, ігровий примітив.

Типологічно схожим для поезії модернізму й новітньої залишається інтерес до адогматизму й внеконфесійної свободи цього культурно-історичного явища, використання в поезії знакових фігур, масонської ритуалістики й символіки, аллюзивно-ремінісцентного репертуару в автентичному або модифікованому значенні.

Ключові слова: масонський код, мотиви, образи-символи, ритуал, культурна міфологія, міфологема

В русской духовной культуре масонская поэзия составляет мощную, насчитывающую более двух столетий, традицию. Зарождение поэзии «вольных каменщиков», как и других родов и жанров орденовой литературы, исследователи относят к середине XVIII века. Отмечая влияние этого духовно-культурного единства на последующее литературное развитие, исследователи (П.Н. Сакулин и Н.К. Пиксанов, В.И. Сахаров) [8, 122] пишут о «масонском стиле, о масонизме», выделяя круг авторов и текстов, составляющих своего рода «национальный канон» классического литературного масонства.

Интерес к масонству, которое «насквозь художественно, литературно» (В.Сахаров), обостряется в переходные эпохи. Одна из причин – масонская критика просветительской философии, возвестившей «царство разума» в XVIII веке, антипозитивистские настроения в конце XIX – начале XX века. В культурном поле преромантизма масонство «существует» в числе других традиций: языческой мифологии, античной, библейской, просветительской, барочной. В эпоху модернизма и постмодернизма добавляются теософия, антропософия, герметизм, различного рода мистические учения вплоть до практической магии. Особое место масонский код занимает в русском модернизме, известном внеконфесійными религиозно-философскими исканиями и тяготением к различного рода синтезу. Прежде всего, это отмеченная масонской семантикой, образностью и символикой поэзия М. Волошина, Н. Гумилева, О. Мандельштама, ориентированное на розенкрейцерство творчество младосимволистов А. Белого и А. Блока.

Обращение к культурной памяти как источнику креативных стратегий и положительных ценностей характеризует модернистскую и постмодернистскую переходные эпохи. Несмотря на дискретность как литературных, так и социокультурных эволюционных процессов, духовно-культурная преемственность в русском постмодернизме является той скрепой, которая типологически сближает его с модернизмом. Она ярко проявляется в новейшей русской поэзии как на непосредственно-рецептивном уровне, так и в типологически схожих моделях религиозно-поэтического сознания. Вместе с тем типологическая схожесть и повторяемость процессов исключает неизменность форм художественного воплощения в стилевых течениях и индивидуальных поэтических системах. Культурные эпохи находятся в состоянии диалога, поэтому возникает необходимость изучить механизмы культурной преемственности, конкретные формы их художественной реализации.

Отсюда цель работы – проанализировать семантику и поэтику масонского кода, их модификации в творчестве Максимилиана Волошина и Елены Шварц как наиболее репрезентативного для изучения данной проблемы. В процессе анализа привлекаются произведения других авторов.

Проблема взаимосвязи поэзии Серебряного века и новейшей с эзотерикой, окультными учениями в тех или иных аспектах рассматривается в работах Н. Богомолова, И. Есаулова, Г. Нефедьева, В. Никитина, Г. Обатнина, О. Овчаренко, С. Слободнюка, М. Йовановича. Названы далеко не все, поскольку интерес к данным вопросам составляет устойчивый сюжет современной иссле-

довательської літератури. В заявленому нами ракурсі спеціального дослідження не проводилось.

Поскольку речь идет о закрытой организации (по словам И. Лопухина, «тайнство Ордена не может быть всякому известно» [5, 49.]), сразу же акцентируем некоторые ограничения. В нашу задачу не входит, во-первых, полемика относительно разделения поэтов на действительно «священных» и «масонствующих» – для интерпретации их творчества достаточно соответствующей проблематики. Во-вторых, вне нашей компетенции выявление специфики различных школ или лож масонов – франк-масонов, розенкрейцеров, иллюминатов, тамплиеров за исключением случаев, необходимых для адекватного прочтения поэтических текстов.

Масонская поэзия рассматривается нами как духовно-культурный феномен, содержащий эзотерические знания, этические нормы и постулаты, мотивы, символику и образность данной внеконфессиональной религиозности. Однако ориентация на «своего» читателя, способного к дешифровке масонского кода, конечно же, не исключает ее восприятия в других культурно-религиозных парадигмах. Обратимся к примеру.

Так, существуют работы, в которых поэзия Н. Гумилева, а иногда одни те же стихи, рассматриваются: а) в масонской системе координат [1]; б) как произведения «подлинно христианского поэта», осознающего «религиозно-этический пафос своего творчества» [13, 106], [7, 409]; в) такими, в которых «для библейского Бога вообще нет места» [10, 271], поскольку это – «дьяволодицея». Ортодоксальные исследователи вообще считают, что «художник отказывается решать духовные вопросы, он о них часто не знает. ...Гумилев и родственные ему поэты ... знали иное: сатанинский соблазн» [4, V, 315, 319].

Широкий и полярный спектр мнений лишней раз подтверждает сложность вопроса. В завершении обзора приведем еще одно суждение. «Проблема связи Гумилева с разного рода мистическими учениями современной ему эпохи – проблема совершенно очевидная, зафиксированная в многочисленных документах и наблюдениях» – пишет Н. Богомолов [2, 113]. И, дополним, – в поэтическом творчестве. По-видимому, литературоведами не всегда учитывается «дрейфование» типов религиозности, их пересечение с другими духовными традициями и практиками, в результате которого создаются нетрадиционные модели сознания и стиливые синтезы.

Эта особенность проявляется и при изучении «масонского стиля» (П.Н. Сакулин) в поэзии XX века. Как пишет авторитетный исследователь, «масонскую литературу в «чистом» виде обнаружить практически невозможно: она всегда таится, не желает высказаться прямо, изобретает условный язык-шифр, умело скрывается за различными личинами и сложными иносказаниями, для выражения своих сокровенных идей пользуется готовыми художественными формами, жанрами и стилями, созданными другими направлениями» [12, 338]. И это действительно так. В определении структуры масонского кода, его поэтической семантики – мотивов, образности, символики, ассоциативного поля и коннотаций нами учтены такие черты масонского сознания, как иерархичность и иератичность (обрядность).

Представляется возможным назвать концептуальные и стиливые параметры орденовой поэзии, которые оказались созвучными религиозно-поэтическому сознанию XX века:

1. Абсолютной Истиной, вершиной иерархии является Бог – великий Зодчий, «являющийся разновидностью топоса Бога-Ремесленника (Deus Artifex). Deus Artifex – инвариант, изменяющийся от страны к стране, от эпохи к эпохе и от автора к автору: Бог предстает то собственно художником, то скульптором, то архитектором, то часовщиком, но всегда останется делателем, *Мастером*» (курсив автора – Т. Смоляровой) [11, 176]. Великолепие и красота Верховного Строителя – Бога отражены в соборах, храмах. Тем самым подчеркивается высокий ценностный статус архитектуры в масонской символике, сохранившей память о строителях и зодчих средневековых храмов (цикл «Руанский собор» М. Волошина», «Адмиралтейство», «Айя-София» О. Мандельштама). Таким же высоким статусом обладает масонский мотив утрянного Слова как поиски божественного в самом себе, Слова-камня (стихотворения «Память», «Слово» Н. Гумилева).

2. Инвариантом масонского кода, оказавшегося близким адогматичности модернистов и постмодернистов, является масонский универсализм. Его особенность в том, что «при наличии глубоких христианских корней и позитивного отношения к главным конфессиям, он не воспринял их догматики и поучений святых отцов, ограничиваясь воспроизводством элементов религиозной обрядности вроде молитв и проповедей, почитания святых Иоанна Крестителя, Иоанна Богослова и др.» [12, 318]. Яркой иллюстрацией является стихотворение Е. Шварц из цикла с символическим названием «Лестница с дырявыми площадками (5-й этаж верх)». Приведем его полностью.

Ткань сердца расстелю Спасителю под ноги,
Когда Он шел с крестом по выжженной дороге,

Потом я сердце новое сошью.
 На нем останется — и пыль с Его ступни,
 И тень креста, который Он несёт.
 Все это кровь размочит, разнесёт,
 И весь состав мой будет просветлён,
 И весь состав мой будет напоён
 Страданья светом.
 Есть всё: тень дерева, и глина, и цемент,
 От света я возьму четвёртый элемент
 И выстрою в течение долгих зим
 Внутригрудной Ерусалим.

Уже в название стихотворения содержится авторский «ключ» для «дешифровки» эзотерического подтекста и символика образов. В масонской образности лестница с ее ступенями – это эмблема духовного странника души. В стихотворении запечатлены «этапы» посвятельного гнозиса масонов, цель которого – преодоление «ветхого Адама», сотворенного из глины, и обретение Света. Этот путь к Абсолюту художественно выражен устойчивой формулой орденской поэзии Бог – Свет. Сопоставление ключевых мифологем стихотворения Е. Шварц – лестница, «внутригрудной Ерусалим» (храм души), Свет, символика нумерологии (цифра 5) – со строками масонского гимна, отчетливо демонстрирует интертекстуальные переклички:

Открылся к свету новый путь
 Чрез крепость в вечный храм свободы,
 К науке пятой вскинь свой взор,
 В ней узришь всех наук собор.

[цит. по: 8, 16].

В обоих текстах мифологема «свет» наделяется высоким сакральным статусом, характерным как для Библии: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (Ин. 1:5), так и для масонской догматики. Девиз вольных каменщиков: «Да будет Свет; и стал Свет» (лат. «Fiat lux et lux fit»), и жизнь посвященных – это поиски великого Света истины. Об этом масонские гимны и песнопения: «Ты жизнь всегда творишь из тленья / Из тьмы рождаешь вечный свет»; «О мой Господь! О свет Светов!»; «Сей свет тому, конечно, ясен, / Кто тьму внутри и вне узрел» [цит. по: 8, 17 – 20].

Образ Христова распятия в стихотворении Е. Шварц также может быть интерпретирован в масонской парадигме. В предисловии М. Волошина к циклу «Руанский собор» находим следующее: «Пятая ступень – это смерть на кресте. «Мировая душа распята на кресте мирового тела». Распятие – это символ божества, воплощающегося в материи [3, 161]. Как видим, в результате инициации лирическая героиня, подобно пушкинскому пророку, преображается, обретая «сердце новое», уподобленное созданию храма. В данном случае культурная преемственность заключается в наследовании традиции.

3. Корреспондируя с концептами русской «внецерковной религиозности» (В. Зеньковский), масонский код отражает различные традиции. Среди них – ориентация на идеи «внутреннего человека», его духовное прозрение и преображение, гармонизацию мира личности, присущая также востребованному модернистами неоплатонизму. Масоны исходили из признания двух миров – земного («недолжного») и неземного («должного»). Это двоемирие свойственно не только христианской религии, но и другим верованиям. Русские философы-мистики, провозглашая необходимость признания двух миров, отрицали их равноценность. Они стремились доказать суету и бренность посястороннего бытия – мира материальных вещей и явлений. В орденской поэзии это воплощается в сквозных мотивах земной тщеты, любви к смерти, умирания и повторного рождения, образах слепца, «молнии сует». Так, в стихотворении Е. Шварц «Распродажа библиотеки историка» [15, 13] масонский код реализуется мотивом пренебрежения мирской суетой, материальными ценностями («нагой», «чужой башмак», «он в комнате пустой»), характерным для данной просветительско-культурной парадигмы. Сознание лирического субъекта в земном «нисхождении» достигает высот внутреннего зрения – тайнознания. Это состояние манифестировано знаком слепоты («безглазо»), наделенного высоким ценностным статусом в масонском ритуале и символикe как залог будущего духовного прозрения.

4. Особую значимость для масонского сознания имеет мифологема пути. Его цель – мистическое соединение «внутреннего человека», стремящегося познать свет, с «внутренней церковью» – ключевой идеологемой масонства, понимаемой как царство Божие внутри человека [12, 154]. В поэзии русского модернизма укоренены характерные для масонства образы вечного странника, «путника по вселенным», высокий аксиологический статус путешествий, в частности мореплавания как шестой из семи, возвещающей «всеобщее возрождение», ступеней «дороги света» (Via Lucis) [6, 16]. Сравним у акмеистов: «Любуюсь на доски / Заклепанные, слаженные в перебор-

ки / Не вифлеемским мирным плотником, а другим – / Отцом путешествий, другом морехода» (О. Мандельштам «Нашедший подкову»).

5. К инвариантам масонского кода относится ритуалистика. Это обряды посвящения в «вольные каменщики», масонские ритуалы очищения четырьмя природными стихиями – огнем, водой, землей и воздухом. В процессе символического в них погружения происходит преодоление низменной сути человека [8, 234, 239]. Мотив ритуального очищения ярко представлен в VI стихотворении цикла «Руанский собор» с символическим названием «Погребенье». Он реализуется через образы евангельского зерна («семени») и фольклорно-мифологического образа Великой Матери сырой земли. Последний в мифопоэтике М. Волошина сакрализован до евхаристического: «Твоему страдающему телу / Причащаюсь, темная земля». Умирая, семя прорастает «цветком собора», то есть «внутреннего храма». Так М. Волошин «зашифровывает» масонский ритуал очищения землей, водой – источником жизни («Под ногой не гулкий чую камень, / а журчанье вещей вод) и огнем («факел жизни – огненная Смерть»). Мотив ритуальной смерти исследователями рассмотрен в «Заблудившемся трамвае», «Моих читателей» Н. Гумилева (наблюдение М. Йовановича).

Масонский код художественно воплощается в ритуальных действиях, среди которых особое место принадлежит инициации. Как известно, ее назначение – передача знаний о ритуалах, символах, этических идеях Ордена, но главное – через «внутреннюю смерть» стимулировать и направлять повторно рожденного к Деланию: началу новой жизни и духовному совершенству. В поэзии М. Волошина и Е. Шварц мотив посвятельного обряда подвергается трансформациям.

Так, в стихотворении М. Волошина «Обманите меня...» (его первое название «Встречной») запечатлены этапы инициации, достаточно известные по русской классической литературе. Это движение неопита за «кем-то в темноте наобум» «лабиринтом неведомых зал», с традиционной повязкой на глазах, символизирующей слепоту (в масонстве она косвенно соотносится с крестом), «блуждание» человека в поисках святости. Однако авторская интенция иная.

Как представляется, стихотворение восходит к европейской традиции утонченно мистической (и в то же время явно эротической) поэзии Данте, Петрарки, когда «эротическое желание и религиозная страсть, питая друг друга, сливаются в литургию эросу» [8, 87-88]. В поэзии Серебряного века соединение эротического с религиозно-экстатическим не редкость. Яркие примеры – творчество А. Блока, Вяч. Иванова; эзотерический смысл присущ любовной лирике последнего сборника Н. Гумилева, но только у М. Волошина это связано с масонским кодом.

В ироническом модуле отображена инициация в стихотворном цикле Е. Шварц «Забавы. (Осьмнадцатый век)» [15, 405-406]. О ритуальном посвящении (стихотворение «Масон») рассказывает участник события, упоминая его в числе других «забав» «галантного века»: «упрятывания» карлика в пирог («Званный обед») и чесания пяток («Будни»). Автором создается маска «искателя» эзотерического знания, которому в силу духовного невежества не дано прозреть сакрального смысла происходящего, хотя он читает духовидца Э. Сведенборга и до мельчайших подробностей помнит «процедуру». Символика обряда (Соломонов храм – *культовое сооружение, знак мирового порядка в сочетании с высшей духовностью*; старинный гроб – «*гроб Хирама*», *символизирующий «воскресение из мертвых»*; колонки «В» и «J» – *олицетворение жизни и смерти, добра и зла*) также остаются для него недоступной: «все кончалось попойкой / И грубым словом «абраксас». Ирония усиливается игрой смыслами: «Абраксас» – имя греко-египетского бога с петушиной головой, гностического божества. Но в тексте оно написано со строчной буквы, поскольку для псевдопосвященного – это не каббалистическое слово «абракадабра», а его бытовой аналог в значении «чепухи». Показательно, что наивное видение оставшегося профаном «адепта» не заслоняют от читателя тайнознание самого поэта, ориентированного на духовные истины.

6. В масонском коде поэзии XX века актуализированы символы и знаки, идентифицирующие сугубо масонскую парадигму, например, «звенья позвонков». Это образ наделен особой валентностью, так как, согласно секретной доктрине, столб позвоночника содержит сакральное число – тридцать три звена. Через них движется Духовный Огонь – воплощение духовной сущности человека, заключенной в теле, поскольку «точная наука духовного возрождения есть Утерянный Ключ Масонства... Духовный Огонь поднимается через тридцать три ступени или позвонка» [14, 270].

Образ-символ позвоночника разветвлено представлен в поэзии О. Мандельштама. Здесь он выступает «проводником» культурной памяти, олицетворяя связь времен («Но разбит твой позвоночник / Мой прекрасный, жалкий век» – «Нашедший подкову», «Век» («Век мой, зверь мой»). Исследователи оккультно-мистической традиции в поэзии Н. Гумилева считают, что заглавие сборника «Огненный столп», отсылающее к ветхозаветному источнику, указывает на масонскую доктрину «правого пути» [1].

В поезии XX века наблюдается еще один вариант взаимодействия с традицией – игровая тоналность в рецепции масонских святынь и ценностей. Показательным является стихотворение Е. Шварц «Путь желаний – позвоночник»:

Путь желаний – позвоночник
Начинается от звезд,
Долгой темной тела ночью
Он ведет нас прямо в хвост.
Образует он пространство
Для златых круженья вод,
И без этой гибкой палки
Череп был бы, где живот.
Мост он, шпалы, он дрожит,
Лестница, опора зданья,
Трепет по нему бежит,
В нем кочует тайнознание [15, 75].

Речь идет о знаковом для эзотерической традиции понятии – проводнике духовной энергии. В тайнознании оно называется по-разному: а) позвоночник в масонстве; б) кундалини – символ микрокосмической энергии, «змеиная сила» позвоночника – в индуистском мистицизме; в) сила, таящаяся в позвоночнике, – в мистике даосизма. Его десакрализация в тексте Е.Шварц осуществляется посредством духовной подмены сакральной семантики профанными аналогами. Например, масонский огненный столб становится «гибкой палкой», очищающее движение Духовного Огня низводится до «трепета», «тайнознание» «кочует». Путь слияния индивидуального с божественным сознанием представлен весьма иронично – начинаясь «от звезд», он заканчивается весьма прозаически: «ведет нас прямо в хвост». Лексический сдвиг от поэтизма до просторечья окончательно демифологизирует знаковый для эзотерики концепт.

Особенно наглядно эта модальность проявляется в сравнении со стихотворением М. Волошина «Ветер с неба ключья облак вытер...». Комментаторы предполагают, что образ «змею препоящу» содержит отсылку к теософскому понятию кундалини. Благодаря его энергии лирический субъект стремится к восхождению, ощущая себя чашей – божественным сосудом, «переполненным светом». Проведенное сопоставление позволяет утверждать присущий масонству синкретизм духовно-эзотерических поисков, позволяющий авторам постичь «идею Традиции» (Р. Генон), то есть сокровенную и нерушимую преемственность, восходящую, в конечном счете, к «первому из пророков» – праотцу человечества Адаму.

Таким образом, актуализация масонского кода в поэзии кризисных эпох вызвана адогматическим характером, идеями вероисповедальной свободы, внеконфессиональной, универсальной религиозностью, религиозно-философским синкретизмом этого религиозно-мистического учения. Однако если для модернистов интерес к глубокой архаике и эзотерическим практикам – это возможность расширить культурно-религиозные горизонты, открыть истоки Богопознания, реализовать чаемый синтез и всеединство, то для поэтов андеграунда – это эскейпизм в неосвоенные официальной литературой территории, игра с эзотерической образностью как одним из языков культуры. В новейшей русской поэзии эзотерическая проблематика продуцируется в различных вариантах преемственности и художественной модальности, но самый яркий – игровой модус и травестия.

Список использованных источников

1. Акмеизм и масонство. Масонская библиотека [Электронный ресурс]// – Режим доступа: www.freemasonue.ru
2. Богомоллов Н. А. Русская литература XX века и оккультизм / Н. Богомоллов – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 560с.
3. Волошин М. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи / Сост. и авт. вступ. ст. и коммент. З. Д. Давыдов. / М. Волошин – Симферополь: Таврия, 1990. – 248с.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Издание второе, исправленное и дополненное. / М. Дунаев – М.: Христианская литература, 2001-2003.
5. Лопухин И.В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь / И. В. Лопухин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 116 с.
6. Масоны. История, идеология, тайный культ/Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. – М.: Вече, 2005. – 496с.
7. Редькин В. Традиции православной духовности в современной русской поэзии // Традиции русской классики XX века и современность. – Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. 14-15 ноября 2002 года / Ред.-сост. С. И. Кормилов. — М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 305-308

8. Сахаров В. Русское масонство в портретах / В. Сахаров. – М. : ООО «АиФ Принт», 2004. – 512 с.
9. Сахаров В.И. Проза русских масонов (история и поэтика) / В. Сахаров // Контекст – 1994, 1995. – М. : Наследие, 1996. – С. 338 -359.
10. Слободнюк С. Л. «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1890-1930-х гг.) / С.Л. Слободнюк – СПб. : Алетейя, 1998. – 425 с.
11. Смолярова Т. Аллегорическая метеорология в поэзии Державина // Новое литературное обозрение. – 2004. – №66. – С. 139-159.
12. Соловьев О. Ф. Масонство. Словарь-справочник / О.Ф. Соловьев – М. : Аграф, 2001. – 432 с.
13. Струве Н. А. Православие и культура / 2-е изд., испр. и доп. / Н.А. Струве – М. : Русский путь, 2000. – 623с.
14. Холл Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. / П. Холл Мэнли – Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1997. – 3-е изд., испр. – 794с.
15. Шварц Е. Сочинения Елены Шварц / Е. Шварц. – СПб. : «Пушкинский фонд», 2002.

Summary. The article focuses on investigation of the intersections of poetical and spiritual worlds in the poetry marked with features of the Masonic religiousness. The typological aspect of production of cultural mythology of the Masons in Modernist poetry and in the poetry of the end of the 20th century of Russia is considered.

Poetry of N. Gumilyov, O. Mandelshtam, M. Voloshin and the newest poetry reveal artistic realizations of esotericism and its ethic standards, symbolism of the Masonic nonconfessional religiousness. They are represented in M. Voloshin's poetry most brightly. The Masonic code is combined there with other occult doctrines and practices, anthroposophy, traditional and noncanonic Christianity in particular that meet the spirit and objectives of dedicatory Order.

Unlike the mystical experience of visionariness that is more asked for in the contemporary poetry, comparatively marginal Masonic and Rosicrucian line is represented in various proportion and artistic modes in poetry by Ye. Shvarts, A. Mironov, A. Yeryomenko, Ye. Boyarskikh. The interest in this cultural and historical phenomenon, its non-dogmatics and nonconfessional freedom, using token figures, Masonic ritualistics and symbolism, allusions and reminiscences in authentic and modified meaning in poetic space is typologically similar in Modernist and the newest poetry.

The Masonic and – that is broader – esoteric code is realized brightly in Ye. Shvarts' poetry in different aspects: ironical mode, in desacralization of Masonic sacred objects and values («Забавы. (Осьмнадцатый век)» (Zabavy. (Osmnadsatyy vek)), «Путь желаний – позвоночник» (Put' zhelaniy – pozvonochnik)), burlesque («Обрусение Кундалини» (Obruseniye Kundalini), «Кострома-Дионис (реконструкция мифа)» (Kostroma-Dionis (reconstructsiya mifa))). The main techniques are creating game situations, metamorphosis, language game, humour, game primitive. The Masonic code is realized by including symbolic images that have peculiar axiological status in the Masonic doctrine (blindness, a pillar of fire, a human skull with crossed shinbones, Holly Grail) and cultic Masonic motifs (thanatic, mundane vanity, spiritual growth).

The difference is stressed in the conclusion: The Modernists were interested in archaic and esoteric practices to be able to expand cultural and religious horizons, to discover the sources of the Christian knowledge; the newest poets apply to the Masonic doctrine to escape to the territories unassimilated by literature (for the Underground poetry) and to play with esoteric images as one of the languages of culture.

Key words: Masonic code, motifs, symbolic images, ritual, cultural mythology, mythologem.

Отримано: 22.07.2014 р.